

Рай №2

"Старинная рукопись ведет тебя по следам к персональному Эдему"

ЕКАТЕРИНА СЕРДЮКОВА

16+

Екатерина Викторовна Сердюкова

Рай №2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39289955

SelfPub; 2018

Аннотация

Героиня, работница библиотеки, находит рукопись дневника, автор которого рассказывает о своих астральных путешествиях к прошлым жизням. Тема реинкарнации, рая и ада, пробуждает интерес у случайной читательницы, и она пускается на поиски незнакомки. Семь смертных грехов, феномен близнецов, поиски семейной драгоценности... и обретение личного Эдема для каждого из героев.

Содержание

Часть первая	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	42
Глава 6	55
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

«Если Рай и существует на самом деле, то туда я уж точно никак не попаду. Зависну в Чистилище, как говорят католики, или напрямик в Ад, в который верят православные. Но я, как атеистка, о своей жизни Там вообще не думаю. Мне бы эту, никчемную, завершить достойно. Ан нет, и тут вышла промашка. Собираясь на тот свет, люди пишут завещание и оставляют своим родственникам все ценное, что они накопили за свою жизнь. У меня же нет никого. Нет ничего. Кроме одной вещи, доставшейся мне от бабули. Для кого-то она была бы желанным, очень желанным и дорогим подарком. Я узнавала в ломбарде. Но для меня это часть памяти, которая не дарится, не продается и не разменивается».

Из дневника незнакомки

Часть первая

Глава 1

Находка

Старую тетрадь с рукописями я нашла ранней осенью 20.. года.

Первый месяц декады выдался в этом году необычайно жарким для среднестатистического сентября. Колеса детской прогулочной коляски тихо поскрипывали на гравийной дорожке. Держа под руку супруга и с умилением посматривая на мирно спавшего сына, я вдыхала напоенный теплом воздух и разглядывала окрестности.

– Бибочка.

Остановившись, муж носком ботинка скovyрнул что-то на земле. Присмотревшись, я заметила маленького черного жучка с красными полосками на спине. Тот медленно полз куда-то по своим делам и даже не подозревал, что в этот момент является объектом нашего пристального внимания. Я улыбнулась. С самого детства и до сих пор все листоеды, хрущи и божьи коровки имели у супруга свое, особенное, название. А в моменты особой нежности даже я могла стать этой самой «бибочкой».

Дачный поселок вдали от городской суеты расположился вокруг озера. Зеленоватая вода уже начала подергивать-

ся ряской и кувшинками. Звенели стрекозы. Грушевые сады, протянувшиеся вдоль домов, сбрасывали подгнивший урожай, никем не собранный. А старые железнодорожные пути между покосившегося забора, перекрытые полосатой оградой, уводили вглубь леса и словно отгораживали нашу жизнь от жизни той, которая текла в этом поселке давно, в то время, когда раздавался грохот поездов и воздух пронизывал звук паровозного гудка. Райское местечко, скажу я вам. Кстати, о рае. На завтра в моем рабочем библиотечном графике в рамках лектория выпал доклад на тему «Божественной комедии» Данте.

– А ты веришь в загробную жизнь? – спросила я мужа.

– Конечно, – неохотно ответил мой скептик. – Там рай, – и показал пальцем на небо, ставшее в час перед закатом розово-серым.

– А ад?

– А ад здесь, на земле, среди людей.

– Получается, чтобы отправить грешника в ад, его снова возвращают на землю? Реинкарнация?

– Вроде того. Чтобы он снова и снова переживал предательства, войны и мерзость, которые породило человечество среди себе подобных. Видимо, напрасно небеса подарили человеку разум. Человек разумный, – усмехнулся супруг. – «Есть сила та, что разумом зовется. И взвесить вы способны на весах добро и зло»... Почему же в среде животных нет той грязи, которую насаждают двуногие особи, якобы про-

изошедшие от обезьян? Самка никогда не бросит своего детеныша. Стаи волков не идут завоевывать пастбища оленей. Ох, уж этот Дарвин!

Перед моими глазами встала картина: апостол Петр, в руках его связка из двух ключей, золотого и серебряного. Золотой – от рая небесного, серебряный – от земного. Рай небесный, изначальный, люди утратили уже давно, с того момента, когда Адам с Евой были из него изгнаны. А каков рай небесный, тот, в который так жаждет попасть каждый, считающий себя праведником, никто не знает. Как говорил один академик: «людям ведь не дано вернуться с того света и рассказать, каково оно там». Рай земной – ну, тоже спорный вопрос. Как он должен выглядеть, чтобы мы, люди, его узнали и сказали – да, это рай и есть?..

– А как же чистилище?

Супруг аж вздрогнул от неожиданности. Поморщился («вот неугомонная»), видимо, посчитав нашу беседу законченной.

– А, так это у Данте. Православная моя, оставь ты эти католические версии.

Свернув с дорожки, мы обошли кусты дикорастущей малины и вышли к небольшой полянке. Когда-то здесь был сосновый бор. Теперь же только редкие деревца да пни окружали разрушенную кирпичную стену, внутри которой, по периметру, еще сохранился фундамент постройки, может, частного дома, а, может, и здания многоэтажного. В строитель-

стве домов, честно говоря, я разбираюсь не очень. Широко шагая, приспособливаясь к походке супруга, я время от времени поглядывала на свои туфли. Сшитые из кожи молодого дермантина, на невысоком каблуке, цвета лазури, обновка была еще не разношена и немилосердно натирала пятки. Было больно, но, черт побери, модно и красиво. А в следующий момент я, едва успев заметить, как носок туфли зацепился за что-то в траве, шлепнулась со всего маху на землю. Муж не успел и рта раскрыть.

– Цела, целая, – побряхывавшая и потирающая коленки, я поспешила подняться, опираясь на руку благоверного.

– Как тебя угораздило?!

Видно было, что супруг и жалеет меня, и в то же время едва сдерживает улыбку. Да и я сама, смахнув пыль с коленей, уже готова была расхохотаться над своим нелепым падением, как вдруг заметила слева в куче листвы что-то, похожее на уголок белой бумаги, трепыхавшейся на ветру. Поворошила ногой, потом присела и разгребла траву руками. Под слоем пожелости, припорошенная землей, лежала тетрадь.

– Шерлок, что ты там откопала? – засмеялся муж. – Мне так и хочется тебе сейчас сказать, как маленькой «фу, брось каку!»

Толстая ученическая тетрадь в мягкой зеленой обложке от начала и до последней страницы была исписана мелким неразборчивым почерком. Некоторые страницы слиплись, на других красовались размытые дождем чернильные пятна.

Видимо, рукопись находилась здесь уже давно. В остальном же текст был еще читаем, при очень большом желании и с лупой.

– На школьную не похожа. Вряд ли детям задают такие масштабные сочинения, – задумчиво покачала я головой, в которой в этот момент уже роилось множество вопросов к этой тетради. Чья она и как здесь оказалась? Выкинули ее или потеряли? И кто писал – мужчина или женщина? О чем здесь, в конце концов, идет речь?

Услышав насвистывание, я подняла голову. В нескольких шагах от нас, по тропинке прогулочным шагом шел человек в шляпе с лицевой сеткой. Он озирался вокруг, словно любуясь природой, но мне показалось, что на нас он задержал взгляд немного дольше. Впрочем, под накомарником с очень мелкой сеткой лица его совсем не было видно. Когда мужчина скрылся за поворотом поселковой дорожки, я обернулась к мужу.

– А разве в поселке есть пасека?

– За дальним прудом. Пасека-то есть, только я и сам не знал, что на ней до сих пор разводят пчел. Ну, сама видела, – развел он руками, кивнув в сторону удалявшейся от нас фигуры пасечника.

– «Tea for two».

– Что ты сказала?

– Мелодия, которую насвистывал этот пасечник. «Чай вдвоем» Винсента Юманса.

Муж удивленно покачал головой и развернул коляску в сторону дома.

Смахнув с обложки прилипшую листву, я положила тетрадь в сумку и, видя, как муж нахмурился, мило улыбнулась.

– Дома прочту.

Глава 2

Лекция по Данте

– Разве может дантовский ад быть страшнее?.. La Divina Commedia. Вспоминается немой черно-белый итальянский фильм 1911 года. Как просвещает нас википедия, впоследствии его наполнили звучанием – inferнальной мелодией, пробирающей до мурашек. Почти без спецэффектов (какие там спецэффекты в начале 20 в.!), драматической актерской игры и изорванного временем пленочного изображения, фильм поражает зрителя своей жутью и трепетом, которым позавидовали бы самые известные мастера фильмов ужасов. Столетия обессмертили автора комедии – богослова, историка, астронома и философа в одном лице, и вот уже более шестисот лет этот уникальный памятник искусства будоражит ума людей: что же они увидят за гранью своей жизни.

Я отложила в сторону указку и выключила проектор. Изображение на бледно-голубой стене зала погасло. Обвела взглядом своих слушателей – группу старшеклассников. Кто-то уныло пережевывал жвачку, кто-то всматривался в экран смартфона, остальные отроки мужского пола оценивали длину юбки лектора (то есть меня), и все, как один, я уверена, с нетерпением ждали окончания рассказа, чтобы вернуться к своим делам молодым. Клубы, шопинг, коктейли... Я и сама, честно говоря, сейчас не отказалась бы от бокаль-

чика холодного мохито. Сентябрьская жара проникала даже в помещение и за неимением кондиционера делала пребывание на работе затруднительным. В этот момент я почувствовала, как по бедру у меня скатилась струйка пота, и машинально одернула юбку.

Честно говоря, хотелось бы поговорить еще о рае в целом и рае Данте в частности, но молодежи, воспитанной на триллерах, конечно, больше был интересен Ад. И я рискнула.

– Кстати, последние главы «Божественной комедии», в которых описывается Рай, первоначально были утеряны. Существует предание о том, что один из сыновей Данте увидел сон, в котором ему была подсказка о том, где находится рукопись. Поэтому полностью поэма была напечатана только после смерти ее автора. А как вы думаете, как может выглядеть Рай?

Я обвела взглядом аудиторию.

– Как райский остров, необитаемый, конечно. Где нет школ, преподавателей, родителей и вообще..., – пискнула одна из школьниц, бледная барышня с ярко-красными волосами.

– Достойная версия, но нет, – усмехнулась я. – Рай у Данте – это Эдем, земной сад, расположенный на вершине Чистилища, и от Рая Небесного его отделяет огненная стена. Как думаете, почему? Хочу предупредить сразу, что правильного ответа не знаю даже я. Но мне интересно ваше мнение.

– Jedem das Seine. Каждому свое. Только вместо колючей

проволами – эта ваша огненная стена. Кому-то и на земле рай, а кто-то мечтает о небесных пирогах.

Я подняла глаза от раскрытой на столе книги и встрети-лась с немигающим взглядом серых глаз. Принадлежали они молодому человеку в рубашке цвета хаки, с пирсингом над верхней губой. Скрестив руки под грудью, тот пристально глядел в одну точку. В этот момент я почувствовала себя, мягко говоря, неуютно, поэтому поспешила поблагодарить аудиторию и закончить беседу.

После завершения еженедельной пятничной лекции для учеников, ко мне подошла заведующая, массивная женщина в очках с роговой оправой. Одевалась она обычно в пестрые балахоны, обильно украшенные бусинами и стразами. Види-мо, отвлекала взгляд от своих рембрандтовских форм.

– Душечка, вам непременно надо выступить на семинаре с религиозной тематикой. Вы так интересно рассказывали про праведников и Сатану, что я заслушалась.

– Не я, это синьор Алигьери, – вяло попыталась я отбо-яриться.

– Ну, не скромничайте. Вы-то сами, что думаете насчет загробной жизни?

Тут я снова хотела было пошутить, что мне рано еще об этом думать, но благоразумно промолчала.

К счастью, в этот момент к нам подошел руководитель школьной экскурсии и избавил меня от необходимости объ-яснять свою точку зрения. Ведь дома меня ждал голодный

муж, нестиранное белье и несваренный борщ.

Работая в библиотеке, я совмещала глотание книжной пыли с самообразованием. Утверждение «знание – сила» я уяснила для себя еще в детстве. Теперь, с книгой в руке, я представляла, как кутаюсь в поеденную молью шаль и шиплю на посетителей «Тишина должна быть в храме искусства!» Может, я и считала, что молодой библиотекарь – это дико несовременно, и на моем месте должна бы сидеть какая-нибудь замшелая тетя, но особой тяги к перемене работы не испытывала. К тому же, придя домой, я могла рассказать своему двухлетнему сыну какую-нибудь историю с приключениями, прочитанную в книговнике (так называли библиотеку в Древней Руси), вместо надоевших «Колобка» и «Репки».

А работать с нашей заведующей, Данаей, как мы ее окрестили, а в миру просто Элеонорой Павловной, было одним удовольствием. Незамужняя шестидесятилетняя руководительница по характеру напоминала легковесную бабочку (несмотря на свой центнер веса), всех называла «милочками» и «душечками», и в неплохой компании не прочь была пропустить рюмочку-другую. Разумеется, под хорошую закуску. Все мы люди, человеки. Даже язык не поворачивался назвать ее старой девой, которая в представлении многих, я думаю, выглядит как сухонькая вредная старушка с дюжиной котов. У Данаи, насколько мне было известно, никогда не имелось ни мужа, ни детей. Но и котов тоже не было. Од-

нажды мы с сотрудниками хотели ей преподнести сюрприз на восьмое марта. Тетя Алевтина присмотрела на рынке милейшего ангорского котика. Но в последний момент нам стало известно об аллергии Данаи на котов, и мы спешно поменили задумку на букет хризантем и бутылочку армянского коньяка.

Остальной коллектив нашей избы-читальни состоял из моей сменщицы Маргариты, опровергающей стереотип о недалекости блондинок, и уборщицы тети Алевтины, периодически навещавшей нас со своей личной половой тряпкой («моя куда удобней государственной, сама выбирала, дома только ей чистоту и навожу»). Действительно, домашнее куда лучше казенного. Ну, и ради бога.

Маргарита, к слову, экземпляр, достойный отдельного рассказа. Блондинистость ее, в общем, была мной немного преувеличена. Светлые редкие волосы, собранные в пучке на затылке, всесезонные потертые джинсы (вот такая у нас демократичная библиотека) и колоссальный багаж знаний составляли ее жизненное богатство. Как сказал великий Резерфорд: «Науки делятся на две группы – на физику и собирание марок». Так вот, по сравнению с мозгом Маргариты, хранившим сведения из всех областей науки, я была простой собирательницей марок. Нет, лучше фантиков от жвачек, так, по крайней мере, будет правдоподобней. Ведь во времена моего детства фантики от «турбо» и «ловис» были для нас ценнее каких-то там марок. Зимой, когда рано темнело, су-

пруг Маргариты приезжал на старой «семерке» забирать ее с работы. Рев тарахтящего двигателя мы могли услышать издалека. Тогда девушка начинала спешно собираться, оставляла на подоконнике недочитанную книгу и, бросив, «Пока, до завтра», покидала рабочее место. Особой духовной близости у нас с ней не было, секретами мы не делились, но вполне сносно существовали на службе. И все-таки для меня эта коллега оставалась темной лошадкой. Приветливая – да, образованная – да, в душу не лезет, но что-то было в ней такое, отчего мне не хотелось видеть ее в числе своих близких подруг. Если хотите, называйте это интуицией. А она меня, родимая, еще ни разу не подводила.

Так что в ближайшем обозримом будущем работу менять я не собиралась. От добра добра не ищут, как говорится, а мое удовлетворение службой было вполне весомым. Еще бы школьники, приходящие в нашу библиотеку на мои пятничные лекции, слушали меня, а не жевали жвачку. Но это уже из области фантастики.

Глава 3

Мой Рай и Рай Босха

Мне снился рай. Не знаю, откуда, но я поняла, что это был именно он. Я стояла нагая (зачем в раю одежда?) возле огромного многовекового дуба посреди луга с сочной зеленой травой. Над головой синее-синее небо. И бабочки... Огромные, маленькие, радужные и бесцветные. Невдалеке текла молочная река и струилась вниз по склону, усыпанному белыми ромашками. А вокруг – яблочные деревья, кусты малины, вишневые деревца, сгибающиеся под тяжестью сочных плодов, и бескрайняя благоухающая клубничная поляна. Солнца в небе не было, но воздух, напоенный цветочный ароматом, был теплый и словно пронизанный светом. Вечное лето... И тишина. Ни звука не нарушало эту идиллию природы. Она будто замерла, превратившись в статичную картинку. Я присела на корточки и заметила в траве крошечного кролика. Потом еще одного, и еще, и еще. А потом...

Зазвенел будильник. Я с трудом оторвала голову от подушки и поняла, что у меня до сих пор рябит в глазах от белых кроликов и белых ромашек. Внезапно вспомнила о найденной возле дачного поселка тетради. Уже несколько дней она лежала в ящике моего письменного стола. В круговороте бытовых забот я попросту забыла о своей находке. Но поки-

нуть теплую постель оказалось выше моих сил. К тому же рядом, раскинув руки, мирно похрапывал супруг. Я прижалась к нему, такому мягкому и родному, и снова провалилась в сон.

О том, что в музей искусств привезли выставку картин Иеронима Босха, я узнала от Элеоноры Павловны. До рождения сына мы с мужем часто посещали салоны и галереи, хотя особыми знатоками в этой области и не были. При этом преследовали, я подозреваю, разные цели. Для меня культура – это шанс узнать что-то новое и расширить свой кругозор, подпитаться духовно (да уж, работа в библиотеке не прошла даром для моего словарного запаса, как мастерски выражаюсь, аж сама себе завидую). Для супруга – отдых от рабочих будней, а также возможность повеселиться над нелепыми инсталляциями и постоять с глубокомысленным видом около «черного квадрата». Сейчас времени на такого рода досуг особо не было – семья, работа. Теперь же посещение выставки явилось «обязательным-преобязательным», как сказала наша Маргарита. И даже тетя Алевтина оказалась в числе приглашенных. «Каждая уборщица имеет право на обогащение своего внутреннего мира», – заявила Даная. Уверена, что наш клининг-менеджер предпочла бы, чтобы ее позвали на какой-нибудь банкет со шведским столом. Но она благоразумно пожала плечами, пробурчав: «Ну, надо так надо». Таким образом, субботнее утро у нас началось со сбо-

ров работников библиотеки перед входом в музей.

Попав внутрь, мы рассеялись по залу. Элеонора Павловна величественно курсировала от одной картины к другой, Маргарита металась по залу с блокнотом и что-то записывала, а тетя Алевтина отправилась искать буфет. Я же надолго застыла перед полотном «Семь смертных грехов и Четыре последние вещи».

Необычная форма картины напоминала столешницу и композиционно состояла из пяти окружностей, разных по диаметру. В центре – Иисус Христос, изображение которого было вписано в подобие глаза, якобы являвшегося всевидящим оком. Вокруг – жанровые сценки, рисующие человеческие пороки. Гнев, гордыня, похоть, лень, чревоугодие, алчность и зависть. По углам – картины, по смысловым рисункам подводящие итог человеческой жизни – изображения Смерти, Страшного суда, Рая и Ада. Насколько я знала, это полотно было самым знаменитым произведением Босха, хотя мне были больше известны «Блудный сын», «Сад земных наслаждений», «Воз сена», триптих «Поклонение волхвов».

– Каждая десятая картина двадцатого века – фальшивка, – услышала я за спиной и вздрогнула от неожиданности. Склонив набок голову и саркастически прищулив глаз, вместе со мной рассматривала «грехи» Даная.

– Почему вы так думаете?

– А это не я. Так говорил Джон Майат. Великий фальсификатор, водил за нос сам аукционный дом Сотбис. Ну,

и обычных ценителей живописи на досуге. После того, как Скотланд-Ярд прижал этого делягу, стал подписывать работы уже своим именем. Наверно, жарится сейчас в восьмом круге ада. Если уже на том свете, конечно, я его судьбой не очень-то интересуюсь. Помните, как у Данте? Восьмой круг – для фальшивомонетчиков и фальсификаторов.

– Все может быть, – улыбнулась я. – Но ведь это не мешает нам с вами получать удовольствие от созерцания этих чудесных полотен. Кстати, а вы знали, что Босх увлекался алхимией?

– Темное время, что вы хотите. Уже чего только не напридумывали «мудрецы» того времени от недостатка ума и информации. Только народ дурачить. Если бы он действительно существовал, этот якобы созданный философский камень, его тут же растащили бы по кусочкам и, обретя бессмертие, дожили до сегодняшних дней. Хотя и вопрос о бессмертии еще как спорный. Не хотела бы я жить вечно. Старость не украшает, дорогая. По крайней мере, меня. И целлюлит, и слабое зрение – это лишь малая часть из того, что заметно каждому. А вот вы и в старости будете ничего себе. Худая, фигуристая, мама моя!

И мы рассмеялись, спугнув от соседней картины стайку четырехглазых юных дев. Студентки, видимо, увлеченные чтением книг при плохом освещении. Когда они робко переместились дальше по залу, я поняла, какую картину барышни так пристально разглядывали. Это был «Сад земных на-

слаждений». Занятная вещь, этот триптих. На полотне шестнадцатого века Босх отразил свое видение рая и ада. В центре – тот самый сад. Здесь можно было увидеть обнаженные фигуры, предающиеся легкомысленному времяпрепровождению, фантастических животных и птиц, невероятные растения, водоемы и прозрачные сооружения. Как мне помнится, изображенное стало иллюстрацией к нидерландской поговорке «Счастье и стекло – как они недолговечны». Левая створка триптиха – рай – Адам, Ева, причудливые животные, мирно пасущиеся неподалеку от людей. Правая – ад... Уже сделав шаг в сторону от картины, задумчиво вернулась обратно. Гигантский кролик, подталкивающий грешника к адскому костру. Персонаж, едва различимый на фоне бесчисленного количества лиц, голов и физиономий монстров. Тут же вспомнились маленькие пушистые кролики из моего сна.

– На что это вы тут засмотрелись, милочка?

Даная заинтересованно выглянула из-за моего плеча.

– Кролик... Какой-то несуразный, странный персонаж.

– Да тут каждый второй персонаж – жертва галлюцинознов. Между прочим, в христианстве кролик – это очень даже симпатичный символ бессмертия души. А тут голландец сделал из него химеру. Жертва художника, – развела она руками. Потом, уже отойдя от картины, обернулась.

– Кстати, в свободное время Босх торговал овощами на рынке. Забавно, не правда ли? Где гений – и где овощи.

Рассматривая картины Аарона ван Акена (сиречь Бос-

ха) и занимаясь вычленением из каждой иллюзорных мифических объектов, можно было провести на выставке целый день. Но дома меня ждали родные люди, далекие от мира искусства, которым я обещала пожарить котлеты и испечь вкусный пирог. Прозаично, зато с любовью.

Выходя из здания музея, я заметила супруга нашей Маргариты. Прислонившись к мраморной колонне, он курил и, отставив вперед правую ногу, рассматривал носок своего ботинка. Словом, скучал в ожидании жены. Узнав меня, кивнул и заторопился навстречу Маргарите, которая шла вслед за мной. Рядом – наша уборщица, на ходу что-то запихивающая в свою сумку.

– Тетя Алевтина, буфет-то нашли? – улыбнулась я.

– А как же! Только цены там за непропеченные пирожки, я тебе скажу, похлеще, чем на вокзале. Лучше дома сама приготовлю – дешевле и вкуснее выйдет.

Я покачала головой: конечно, домашняя еда она и в Африке домашняя.

Вечером этого же дня, уложив спать своих мужчин, большого и маленького, я осталась на кухне пить чай и читать (наконец-то!) найденную рукопись. Первые несколько страниц были заляпаны потекшими чернилами, и мне с трудом удавалось разбирать текст. Но, напрягая глаза и отчаянно борясь со сном, оторваться от дневника уже не могла. Каждая его страница увлекала в мир чужих переживаний и забот, за-

ставляла вспоминать эпизоды из своей собственной истории жизни.

Глава 4

Перевоплощение первое. Земледелец

«В этот мир я пришла уже в десятый раз. Прежние воплощения моей души были разными, я была и мужчиной, и женщиной, и видела только те моменты в жизни себя – точнее, себя в чужом теле – которые были самыми важными, поворотными в судьбе. Я «вспомнила» себя в теле испанского рыбака и английского доктора, французенки-куртизанки и сербского цыгана. Я умираю и воскресала снова, а Он (если на самом деле существует) там, наверху, все видел и подкидывал мне испытание за испытанием.

Близкие люди покинули меня рано. Слишком рано, для того, чтобы я хорошо их запомнила. Мать умерла, когда мне было три, и с годами ее лицо стерлось из моей памяти. Я терпеть не могла имя, которое она дала мне при рождении. Наверно, в честь любимого сорта винограда. Что может быть смешнее, чем когда тебя окликают по имени, и ты представляешь себя спелой виноградной гроздью. Сестру-близнеца отвоевал в свою новую семью отец, и я тут же позабыла о ее, как, впрочем, и его, существовании. Я осталась на попечении бабули, которая продала свою однушку, и мы спешно переехали в другой город, туда, где жила бабулина младшая сестра. Ника-

кие грустные события раннего детства мне больше не вспоминались, и мы мирно прожили следующие пятнадцать лет. А потом я осталась одна. В городе, так и не ставшем мне родным, большим, суетном. Я ненавидела крик его улиц, шум площадей и подземок. Ненавидела и жила, потому что идти мне было некуда, и нигде меня не ждали.

С самого раннего детства моей страстью были будильники. Вернее сказать, их внутреннее содержание. Большой и маленький, круглый и квадратный, каждый из них, новый, только что купленный, сразу становился объектом моего пристального изучения. Механизм открывался, тщательным образом рассматривался и, понятное дело, уже больше не исполнял положенных ему функций. При обратной сборке у меня обязательно оставались лишние детали. Почесывая затылок, я надолго задумывалась о починке, потом злилась, потом расстраивалась и, в конечном итоге, обреченно вздохнув, шла сдаваться на милость бабули. Вспоминая об этом, я надеялась понять, чем же меня так привлекали игры в юного часовщика. И только позднее поняла: огромное желание проникнуть в самую суть вещей, найти то, что подсказало бы мне ответ на вопрос – откуда и куда идет время. Что было вчера и что будет завтра, когда стрелки сделают полный оборот и вернуться на круги своя.

А потом я научилась выходить в астрал. Ничего

сложного – засыпаешь, концентрируешься, вызываешь осознанное сновидение, и готово. Хотя, может, это я такая способная была. Изучение нового давалось мне легко и без особых усилий. «Получается то, что тебе действительно интересно и во что ты веришь», – как-то сказала моя одноклассница.

Сколько себя помню, у меня в портфеле, дома и в школе, в трамвае и на природе, всегда была с собой книга. Любая, фантастика, роман, неважно, лишь бы это были шуришащие страницы, слова и предложения. Поэтому уже в семнадцать лет, поступив в институт, я обзавелась очками с толстыми линзами и глубокой морщиной на переносице.

Закончив обучение с дипломом лингвиста, устроилась на работу в издательство в качестве корректора. Несколько лет мечтала о редакторской должности, но так и осталась в кресле «буквоеда». Теперь, вспоминая эти времена, я понимаю, что была счастлива, несмотря на то, что жила в общежитии, считала до зарплаты в кошельке свои скудные средства и частенько брала подработку на дом, чтобы свести концы с концами. Хорошо помню восхитительный запах краковской колбасы и кильки в томате.

Так вот, еще в школьном возрасте я узнала о теории Пифагора. Древнегреческий философ развил ее после того, как, отправившись в юном возрасте в Египет на-

браться мудрости у тамошних жрецов, тоже стал обладателем тайных знаний. Уже в преклонном возрасте он разработал числовую систему в виде квадрата, где по дате рождения можно было рассчитать количество своих прошлых жизней и их земное воплощение. Он верил, что после смерти душа человека возвращается на землю и находит себе новое тело. При жизни философ не писал трактатов, поэтому дошедшие до нас сочинения принадлежат лишь перу его современников и могут трактоваться неоднозначно.

С точки зрения религии, как христианства, так и ислама, реинкарнация и теория прошлых жизней – не более чем теория, не имеющая под собой никакого основания. Не видели – значит, ничего этого нет. Но ведь Бога тоже никто не видел...

Ночью, мучаясь бессонницей (когда перед глазами то и дело проплывали мириады букв и знаков препинания – отголоски рабочего дня), я снова и снова возвращалась в то состояние, когда уже не отличить сон от яви и реальность от фантазии. Погружаясь в так называемое контролируемое сновидение, я словно смотрела на свою жизнь со стороны. Хотя, не совсем на свою – жизнь моего прежнего духовного перерождения в новом теле. Я точно знала, что жила всегда. Родившись во времена Иисуса, потом я приходила на эту землю еще много раз. Может, у людей, как у кошек, девять жизней? А

может пятнадцать, как утверждал Пифагор? Узнать этого мне так и не удалось».

Я медленно дожевала бутерброд, подавилась последней крошкой и, прокашлявшись, поднялась, чтобы снова налить чая. Уже третью кружку за последние полчаса. Мышцы спины затекли, но мозг находился в приятном возбуждении. Вот тебе на! Сейчас я жалела, что не начала читать дневник уже в день его находки. Теперь бы уже наверняка знала, чем закончились астральные путешествия этой женщины.

От волнения у меня вспотели ладони, и я машинально вытерла их о скатерть. Погибла, погибла во мне мученической смертью мисс Марпл! Не зря муж всегда говорил мне, что я выбрала не свою профессию. Особенно в те моменты, когда я превращалась в домашнего следователя и вела дело о съеденной сгущенке или пропавшей косметичке (как будто ею в нашем доме мог пользоваться кто-то, кроме меня).

Часы пробили двенадцать. Именно пробили, а не просто протикали. Дело в том, что в кухне у нас стояли громоздкие напольные часы девятнадцатого века, доставшиеся мне от деда, а тому – от его деда. Сделанные из темного дерева, с причудливой резьбой и латунным маятником, они были удивительно красивы, но совершенно не вписывались в интерьер ни одной из комнат, поэтому после многочисленных споров на семейном совете было решено оставить их на кухне. Иногда муж позволял себе оставлять на них кружку с

недопитым чаем или тарелку с бутербродами, за что и подвергался испепеляющему взгляду с моей стороны.

Часы же, которые просто тикали, находились в нашей спальне. С самого детства я любила время, когда меня, школьницу младших классов, укладывали днем спать, так сказать, в «тихий час». Спать мне, конечно, совсем не хотелось, и я, взяв в руки книгу, просто лежала и слушала это «тик-так, тик-так». И от этого звука делалось так спокойно и уютно, что через полчаса я все-таки, помимо своего желания, засыпала крепко и надолго. Так и теперь, спустя много лет, я по-особому трепетно отношусь к громкому тиканью часов. Когда в доме гаснет свет и воцаряется тишина, этот звук наполняет спальню тем же теплым ощущением, как в детстве. Только мужу моему тиканье часов не нравится категорически. В отличие от меня, ему оно напоминает о движении времени – вперед и вперед, отмеряя уходящие часы, месяцы и года. А это грустно, что ни говори.

Из спальни доносился тихий храп дражайшего супруга. Если бы я была летучей мышью с безупречным слухом, то могла бы даже разобрать сопение сына. Во всяком случае, сейчас я уже была уверена, что ко сну меня никто не ждет, и потому, накинув на себя плед, продолжила чтение.

Земля обетованная. Библейские времена. 89 г. н.э.

Ревекка тяжело заболела, и ни один лекарь не мог определить, что с ней происходит. Молодая женщина

высыхала на глазах и вскоре, совсем изможденная, превратившись раньше времени в старуху, слегла. Аарон, муж ее, рано утром уходил на работу в поле, а после спешил домой, чтобы ухаживать за больной супругой.

Вся домашняя работа была на плечах детей – восьмилетней Елизаветы и двенадцатилетнего Иакова. Вставали они рано, до рассвета, когда палящее солнце было еще низко над горизонтом. Разводили огонь, если за ночь он успевал потухнуть. Провожали отца в поле. Потом мальчик готовил еду, а младшенькая смотрела за домашними животными и крошила сухие лепешки цыплятам. Затем они вдвоем шли доить коз. Так, в заботах, и проходил день.

Дом Аарона ничем не отличался от домов других бедняков. Сложенный из необожженного кирпича и булыжников, с толстыми стенами (чтобы в жару внутри была прохлада, а зимой – тепло), с одной комнаткой и окном, завешанным шкурой. Плоская крыша, сделанная из веток, прогибалась зимой под тяжестью снега, а весной зеленела, когда прорастали занесенные на нее ветром семена. Как и другие, семья Аарона заготавливала летом фрукты и зерно и сушила их на крыше. Там же в сильную жару могли спать и дети. Из мебели внутри дома – только сундук. Его использовали и как обеденный стол, и как шкаф для хранения вещей и съестных припасов. Огонь разводили прямо в доме и готовили еду. От этого

на стенах жилища постоянно была черная копоть.

Согнувшись, чтобы не задеть головой притолоку низенькой двери, Аарон вошел в дом и, сев на пол, устало опустил голову на руки, грубые, темные, в мозолях, которые Ревекка, когда была здорова, всегда жалела и целовала. Сейчас она, отвернувшись к стене, лежала на деревянном помосте, сколоченном в подобие кровати, которую сделал для нее супруг. Он слышал, как дети на улице загоняли скот в нижний уровень дома – крохотное помещение с земляным полом. Через минуту тяжело поднялся, зажег масляную лампу. Гореть она должна была всю ночь, чтобы соседи видели, что в этом доме спят.

– Отец, в доме нет ни капли воды, – услышал Аарон за спиной голос сына. – Я схожу к колодцу.

Мужчина кивнул.

– Где твоя сестра?

– Убирает двор.

– Хорошо. Скажи ей, пусть не торопится. Мама спит, проснется – я дам ей поесть.

На самом деле Аарону просто хотелось побыть наедине с супругой, посидеть с ней рядом, поддержать за руку, чтобы дети не видели его печали и слабости.

Мальчик надел епанчу, взял глиняный кувшин и тихо вышел из дома.

Аарон, дождавшись, когда шагов сына уже не будет слышно за дверью, присел на пол у кровати Ревекки. В

Этот момент ему почему-то вспомнилось время, когда они с будущей женой, обручившись, готовились к свадьбе. На помолвку давался год, во время которого семья невесты шила ей свадебный наряд, а жених приобретал драгоценности, которые должен был подарить своей супруге. Но семья Аарона была очень бедна, поэтому вместо украшений родители на пиру благословили новобрачных и подарили им домашний скот – коз, цыплят, сторожевого пса, которого звали просто – Пес. Уже позже они купили старого ишака. С этого и началась новая семья.

Аарон сам сложил дом, вместе с женой они высадили позади него небольшой огородик с травами и прянощами. Муж стал ходить на работу в поле, оттуда приносил пшеницу на помол, а жена пекла хлеб и присматривала за скотом. Вскоре родился Иаков, через четыре года Елизавета. Семья Аарона жила скромно, но счастливо. А потом в их дом пришла беда.

Краем глаза мужчина заметил, как из трещины в стене появился уж и медленно пополз вниз. Насекомые и змеи в доме было делом обычным и люди уже не пугались незваных гостей, большинство даже не замечали. Сейчас Аарона заботило в жизни только одно – здоровье его жены. Даже дети в последнее время были предоставлены сами себе. Мужчина считал их взрослыми и мудрыми, доверяя им всю домашнюю работу и приготовление еды. Ведь помощь семье сейчас была просто необходима.

Ревекка по-прежнему лежала, отвернувшись к стене, и не шевелилась. Аарон провел рукой по голове жены, волосам, ставшим в последнее время тусклыми и жесткими. А ведь раньше они так гордились ее блестящей черной, как смоль, копной до пояса. Мужчина вспомнил, как в жаркие дни она бережно откидывала волосы за спину или перевязывала лентой. Потом он погладил ее затылок и тихонько позвал:

– Ревекка, ты спишь? Как ты себя чувствуешь?

Женщина не отозвалась. Тогда Аарон осторожно взял ее за руку, покоившуюся на груди, и она безжизненно свесилась с кровати. Мужчина почувствовал, как холод наполнил его внутри и прокрался в самое сердце. Он еще раз позвал супругу по имени, потом еще и еще. Наконец, Аарон все понял, и колени его подкосились. Он медленно осел на земляной пол и прислонился к кровати. Так и просидел, пока солнце не опустилось за горизонт и не воцарились сумерки. В этот момент он даже не вспомнил про детей – ни о мозолистых ладошках дочери, которая до сих пор трудилась во дворе, ни о сыне, который все еще не вернулся с колодца.

Ревекку похоронили поутру, когда на земле обетованной еще не воцарилась жара, и солнце не припекало склоненные в скорби головы детей и Аарона. Он сам обмыл и спеленал тело жены, положил на носилки и маленькая

процессия, включая живших неподалеку супругов Эноша и Марии, двинулась за город, к общинной усыпальнице. В глазах мужчины больше не было слез, они лишь опухли и покраснели от бессонно проведенной ночи. Дети, словно повзрослевшие за один только день, притихли и оцепенели.

Согласно еврейской традиции, погребение прошло быстро, тело женщины оставили на каменном полу в пещере и отправились домой. Самый важный завет – похороны на земле отцов – был исполнен.

И жизнь потекла дальше. Аарон так же вставал до рассвета и, прихватив кувшин с водой и лепешку, отправлялся в поле. Дети оставались на хозяйстве. Елизавета молола муку для выпечки хлеба, потом шла на ручей стирать белье. Иаков выполнял работу по двору, приносил воду и присматривал за животными. Вечером загонял их в пристройку на нижнем уровне дома. Потом они с сестрой, голодные, садились и ждали отца. Между собой почти не разговаривали. Каждый переживал горе внутри себя.

Однажды, возвращаясь с поля, Аарон встретил на дороге высокого старца, одетого в красные одежды, с короткими вьющимися волосами и небольшой окладистой бородой. Лоб его был испещрен глубокими морщинами,

словно он часто и подолгу задумывался о чем-то важном. Мужчине этот человек был не знаком. В то время как все жители деревни знали друг друга и близко, и просто в лицо, здороваясь при встрече, старец вызвал интерес у Аарона. Когда он медленно прошел мимо, тот оглянулся, потом спросил у идущего следом Ламеха, с которым они вместе работали в поле, не знает ли он незнакомца.

– Это апостол Иоанн Богослов, сын Зеведеев. Миссионер прибыл с Патмоса, где был в ссылке. Говорят, он исцеляет больных и воскрешает мертвых. Помнишь Игнатия, который сломал ногу на строительстве жилища богача Фомы? Вчера видел его – бежит пуще прежнего.

Аарон почувствовал, как бешено забилося его сердце, когда, попрощавшись с товарищем, он отправился домой, забыв посреди дороги пустой кувшин. Весь путь он о чем-то лихорадочно размышлял, насупив брови, и его бросало то в жар, то в холод.

На следующий день от Ламеха он узнал, как ему можно отыскать старца Иоанна. Тот жил в небольшом скромном доме на окраине деревни и, прибыв туда, Аарон увидел вереницу людей, выстроившихся в очередь у двери миссионера. Кто-то возбужденно разговаривал с соседями, стоявшими перед и после в ряду страждущих, размахивая руками и округлив от изумления глаза. Другие

же стояли тихо и словно бы были погружены в свои переживания и чаяния.

Заняв очередь, Аарон отошел в сторону и присел под сенью огромной оливы. Погрузившись в свои невеселые мысли, он и не заметил, как наступили сумерки. Казавшийся нескончаемым, людской поток заметно уменьшился. Из дома проповедника вышла женщина и поставила рядом с порогом зажженную лампаду. Потом так же неслышно зашла внутрь, а следом за ней – следующий из очереди просящих.

Аарон вошел в дом старца только поздней ночью. Сняв у двери сандалии, он ступил на каменный пол и тут же ощутил на своих ступнях ледяной холод. Иоанн сидел, опершись на посох, за деревянным столом. На полу лежал грубый матрас, набитый шерстью, и шкура козы, служившая, вероятно, подушкой. На окне – масляная лампа, точно такая же, какую вынесла женщина. Никаких других вещей в обстановке жилища не было. Несколько секунд хозяин и гость просто смотрели друг на друга. У Аарона от волнения пересохло в горле, но, прокашлявшись и поприветствовав старца, начал говорить.

Мужчина рассказал о своей семье, годах счастливого брака с супругой, любимых детей. И в конце поведал свое желание. Даже ему самому оно казалось безумным, поэтому Аарон очень боялся, что Иоанн ему откажет.

– Значит, ты хочешь, чтобы я оживил твою жену?

Мужчина молча склонил голову и от волнения то сплетал, то расплетал пальцы рук.

– Я могу вернуть твою Ревекку в ее прежнем обличи, с ее красотой и здоровьем, но души твоей супруги уже не будет в ней. Она уйдет к небу, а через время, год, два года, век, никому про это не известно, зародится в новом теле. Хорошо подумай, прежде чем дать мне свой ответ. А как надумаешь, приходи. Больше мне сказать тебе нечего.

Три дня и три ночи думал Аарон. А на четвертый, едва рассвело, он, поцеловав еще спящих детей, снова отправился к старцу.

Ревекка вернулась домой, когда солнце уже скрылось за горизонтом, и на небе показался ярко-желтый круг луны. Она тихо проскользнула в дверь, которую Аарон предусмотрительно не запер на засов и, закутавшись в плащ, легла на кровать, ставшую недавно ее смертным одром.

Наутро, проснувшись, женщина увидела возле своей постели детей, которые сидели на полу, поджав под себя ноги, и с любовью на нее смотрели. Потом в дом вошел худощавый мужчина в тунике, вытер об одежду свои руки и тоже подошел к Ревекке. Он улыбался, и глаза его сияли неподдельной радостью.

Так жизнь в семье Аарона, казалось, снова вошла в

прежнее русло. Ревекка снова стала вести домашнее хозяйство, ходить за водой и заботиться о детях. Днем она пекла хлеб и лепешки, а вечером шла на ручей стирать одежду или штопала туники, сидя во дворике перед домом.

Однако вскоре близкие стали замечать, что женщина почти не общается с ними, погруженная в свои мысли. Привычную работу же выполняет монотонно, старательно, но без души.

БЕЗ ДУШИ. Теперь Аарон начал понимать, о чем говорил ему старец Иоанн. «Чья душа в тебе сейчас, моя дорогая?..» – спрашивал себя в мыслях супруг, глядя на жену. Она по-прежнему была с ними, рядом, но такая далекая, такая чужая. Детей она обнимала, но без теплоты, с мужем была приветлива, но больше не целовала его жилистых от тяжелой работы рук и не жалела его, когда он, еле передвигая ноги, приходил с поля. Она больше не помнила свою прошлую жизнь, как была счастлива, обручившись с Аароном, как они вили свое семейное гнездо, как родились дети. Ревекка словно бы начала свою жизнь заново. Глядя на свою семью, каким-то женским чутьем она понимала, что при кажущемся благополучии, что-то не так, и виной этому она. Супруг смотрел на нее с болью в глазах, дети были рядом, но к ней почти не ластились. Занимаясь привычными делами по дому или стирая на ручье белье, женщина надолго задумыва-

лась, не замечая ничего вокруг. Выйдя из оцепенения, продолжала работу.

Дни проходили за днями, весна сменяла зиму, и все шло своим чередом. Но однажды утром, проснувшись, как обычно, еще до рассвета, Аарон обнаружил кровать жены пустой. Козья шкура небрежно валялась на полу, догорала лампада, и прохлада наполняла жилище. Засов на двери был отодвинут в сторону, а сквозь щель пробивались первые лучи солнца.

Ревекка не вернулась домой ни в полдень, ни к вечеру, ни на следующий день. Аарон все понял, но какое-то время еще ждал, не запирая по ночам жилище. Иаков о матери ничего не спрашивал, только Елизавета стала молчаливой и отстраненной. Мужчина думал, что дети уже давно, еще с вернувшейся Ревеккой чувствовали себя одинокими, а им просто было невыносимо больно потерять мать во второй раз. Казнил ли Аарон себя, что старался вернуть в дом счастье, неизвестно, только с той поры он отдал всю свою любовь детям и больше никогда не женился.

Говорили потом, что Ревекку кто-то видел в Эфесе, кто-то – в Галилее, а кто-то даже в Измире. Только Аарон всегда отвечал:

– Показалось. Моя жена давно умерла.

А вскоре скончался и старец Иоанн Богослов, которого

потом, после преданий его ученика Игнатия Богоносца, называли Апостолом Любви. При жизни проповедник постоянно учил, что Бог – любовь, и без нее человек не может приблизиться к Отцу небесному. Он видел жизнь Христа и, единственный из апостолов, умер своей, а не мученической, смертью. А в своем Евангелии заповедал всем христианам любить Господа и друг друга. Только тогда имеет смысл продолжаться жизнь человеческая.

Отношения между супругами никогда не бывают простыми. На свадьбе близкие люди, помимо счастья и кучи де-тишек, желают новобрачным гармонии и взаимопонимания. Так вот, именно с этими двумя составляющими брака-мечты бывает туговато. И любовь тут совершенно не при чем. Просто есть теория о том, что мужчины и женщины прибыли на землю с разных планет. Как по книге Джона Грея – «Мужчины с Марса, женщины с Венеры».

Мы с супругом оба больше любим чай, чем кофе; велосипеды, чем лыжи; одежду casual, нежели классическую. Но о чем это говорит? Только о том, что у нас одинаковый вкус. Но для мужа мое «нет» и означает «нет». А я могу иметь в виду «да, но позже», «нет, но ты можешь исправить это на «да», и еще многое другое. Думаю, женщины бы поняли, о чем я говорю. Для большинства мужчин намеки – это тьфу. Их либо игнорируют, либо отвечают «ближе к делу» и «короче». В общем, близость духовная не исключает возникно-

вения конфликтов на почве разнополости. Недопонял, недо-
слышала, додумала.

Но, в конце-то концов, мы же вместе. Встречаем праздни-
ки, закаты и рассветы, ползаем по комнате в позе крабов,
подбирая игрушки сына, и смотрим по вечерам фильмы в
компании бокала крымского вина.

Поэтому в тот момент, когда была поставлена точка в ис-
тории о Ревекке и Аароне, и перевернута последняя страни-
ца их жизни, я спросила себя: а если бы это мой муж умер? И
похолодела. Ответила себе, не задумываясь: умерла бы вме-
сте с ним. Мой супруг, как Феллини – спустя пятьдесят лет
и один день после свадьбы с Джульеттой Мазиной. А я, как
она – чуть позже. В конце концов, кто еще, если мы оба по-
падем не в рай, намажет меня кремом от ожогов после того,
как меня поджарят на адской сковородке или сварят в кипя-
щей смоле?..

Глава 5

Перевоплощение второе. Женщина-гладиатор

Рим. I в. 60 г. н.э.

Лишь только над городом взошла луна, вокруг арены ярко загорелись факелы. Они осветили круглую площадку для боев гладиаторов, посыпанную песком, и зрительские места. Сегодня пустых среди них не было. Горожане, пожилые мужчины и безбородые юноши, пришли на представление, которое Император устроил в честь своей матери. При свете дня такие зрелищные игры обычно не проводились, ведь богатое сословие на них присутствовать не могло, опасаясь быть узванными и страшась навлечь позор на себя и свою семью. Но этим вечером собравшаяся толпа возбужденно перешептывалась, ведь среди обычных горожан они увидели самого Императора. Без слуг и телохранителей, он, не скрываясь, но и не афишируя свое присутствие, сидел на последнем ряду возле самой стены, закутавшись в темную туннику и, судя по лихорадочному блеску глаз, с не меньшим нетерпением, чем остальные, ждал начала представления. Ведь на арене должны были выступить не мужчины-гладиаторы, а женщины. И среди них его любимая рабыня Дея. Его богиня, которую, несмотря на обещание отпустить в случае выигранного боя, он так боялся потерять.

За день до решающего для Деи боя, девушки, как обычно, собрались на арене. Кто-то натирал до блеска свой меч, кто-то тренировался, таская тяжелые цепи и раскручивая их над головой своими не по-женски сильными и мускулистыми руками. Все они, кроме рабыни Императора, были прекрасными представительницами именитых и состоятельных сословий Рима. «Амазонки» занимались этим спортом, коим считался бой женщин-гладиаторов, не ради денег, а больше для славы, развлечения и стремления оказаться ближе к мужчинам в их независимости и правах.

Июльское солнце палило нещадно, и Дея то и дело отирала с лица пот, который катился со лба градом и щипал, попадая в глаза. Сегодня она волновалась так, что не могла заниматься в полную силу. Ведь если завтра ей удастся победить своего соперника (кто это будет – неизвестно, одна из ее боевых подруг или яростное животное), она сможет оказаться вольной. Об этом Дея мечтала все годы, проведенные в плену. Хотя Император неплохо к ней относился, возможно, даже лучше, чем к другим девушкам. Иногда рабыне даже казалось, что он проявляет к ней более нежные чувства, чем положено Императору, но она гнала от себя эти мысли. Теперь ничто не мешает ей использовать свой шанс, пусть единственный, пусть призрачный, обрести свободу.

ду.

Всего их было четверо. Женищины-гладиаторы Хелена, Тэсия, Ливия и Дея каждый раз бились друг с другом, как с самым ненавистным врагом. Но рабыне, конечно, доставалась особая неприязнь соперниц, ведь она другая, не богатая, не знатная, и не свободная. К тому же – обладательница самой красивой груди, о чем им постоянно напоминали выкрики зрителей во время боя. Ведь женщины, в отличие от мужчин-гладиаторов, не носили ни корсета, ни защитного нагрудника, поэтому вся их нагота была каждый раз напоказ. Особенно безжалостна к Дее была Тэсия, рыжеволосая племянница консула из рода Клавдиев, которую она ранила в грудь во время последнего боя, из-за чего левую пришлось отнять. Теперь некогда красавица и мечта холостяков из знатных семей из-за своего уродства, видимого всем, навсегда утратила надежду выйти замуж. Неудивительно, что после этого мечтой и принципом всей ее жизни стала расправа во время боя над рабыней Императора.

– Эй, амазонка, ты так уверена в своих силах, что уже не тренируешься?

Хелена сидела на каменном выступе возле стены и, распуская длинную косу, насмешливо и дерзко смотрела на то, как Дея меряет шагами арену туда и обратно. Во время сражений девушки не носили шлемов, ведь специально к такому событию они делали сложные и краси-

вые прически. И только рабыня противопоставляла себя всем остальным гладиаторшам, не поддерживая эту традицию. И не потому, что ей было лень, просто ее идеальный формы череп волос не имел совсем. Соперницы считали это дерзким и вызывающим приемом для устрашения, на самом же деле волосы девушки просто подожгли в тот день, который был самым страшным в ее жизни. В тот день, когда погибли ее близкие люди, а она сама стала пленницей. Со временем, конечно, ее шикарные светлые волосы с пепельным отливом, вновь стали отрастать, но Дея уже настолько привыкла к своей новой внешности, которая, к тому же, помогала ей в битве с амазонками, ведь они не могли схватить ее за косу, что она ничего не захотела менять. Император был согласен, ему даже нравилась смелость девушки, красоту которой не могло испортить даже отсутствие волос. В минуты нежности он часто проводил рукой по ее гладковыбритой коже, и говорил что-нибудь приятное, от чего Дея каждый раз вздрагивала и очень смущалась.

На тренировках девушка старалась держать себя в руках и не реагировать на выпады своих соперниц. Ведь на кону стояла ее свобода, и отвлекаться на неприязненные уколы и насмешки означало бы деморализацию ее воли, а этого себе позволить Дея никак не могла. Снова и снова перебирала она в мыслях боевые позиции, которые

могла использовать в завтрашнем поединке, но, ни меч, ни цепи сейчас в руки не брала – берегла силы.

– Эй, Дея, удачи тебе сегодня!

Услышав голос Кастора, девушка с улыбкой обернулась. Бобер нес во дворец полное ведро воды, совсем не сгибаясь под его тяжестью. Мужчина-карлик был сильным противником на арене, несмотря на его рост, но с Деей они общались совсем не так, как с гладиаторшами. Кастор явно относился к рабыне с большей теплотой, чем остальные девушки, и при случае всегда предлагал свою помощь – наточить меч или отполировать щит. А однажды даже починил в ее бараке прохудившуюся крышу. Император, несмотря на свое отношение к Дее, пожелал, чтобы она, как и другие подневольные девушки, жила в специальной пристройке возле дворца. Правда, не в общем бараке, а в одиночном, куда он мог неузнанным приходиться под покровом ночи.

– Неважно выглядишь, – покачал головой Кастор.

Под глазами девушки залегли темные тени от бессонно проведенной ночи, и в целом вид у нее был уставший и немного растерянный, как показалось карлику.

– Все хорошо, – Дея похлопала Кастора по плечу. – Все будет так, как будет. Судьбу не обманешь. Если мне суждено уйти с арены свободной женщиной, то так и случится. Не переживай за меня. Поможешь мне приве-

сти меч в порядок?

Кастор радостно кивнул.

– Конечно, моя богиня, о чем разговор, – шутливо пропел он. – Отнесу ведро, и я в твоём распоряжении.

Дея налила в таз теплую воду, нагретую утренним солнцем, и стала обмываться. Её тело не знало ароматических масел, только оливковое масло и мыльный корень, но белоснежной коже, упругой и гладкой, могла позавидовать любая благородная по крови дама. Правда, несколько шрамов на спине и ягодицах уже никогда не могли зарубцеваться, но о такой мелочи Дея даже не думала. Меньше всего её заботил уход о собственном теле, ведь с самого детства мать учила её думать в первую очередь о своей бессмертной душе.

Когда Дея намыливала грудь, вошел Кастор. Махнув ему рукой, чтобы проходил, девушка продолжила водные процедуры. Она давно не стеснялась своей наготы, ведь во время поединков, которые гладиаторши проводили с обнаженной грудью, сотни глаз разглядывали её тело. Дея понимала, что теперь оно уже стало общественным достоянием и ей больше не принадлежало. Да и все мужчины при императорском дворе привыкли к зрелищу полунагого женского тела и больше не обращали на него своего внимания.

– Меч-то где? – воскликнул Кастор и удивленно огля-

делся.

– Там же, где и всегда, в углу, – не оборачиваясь, ответила девушка.

В наступившей внезапно тишине Дея вдруг отчетливо услышала и звук падающих в таз капель воды, и тяжелое, с хрипотцой, участившееся дыхание Кастора. Она медленно обернулась и встретилась с растерянным взглядом карлика. Она тут же все поняла, горько усмехнулась и прикрылась, словно ей вдруг стало холодно, большим куском льняной материи, заменявшим полотенце.

– Я принесу тебе меч, – угрюмо произнес Кастор. – Твой мы уже, конечно, не найдем, но и мой не хуже.

– Ты надежный друг, Бобер, я буду молиться о тебе небесам, – сквозь слезы произнесла Дея.

По особому расположению звезд на небе Дея поняла, что близится полночь, а, значит, ей пора собираться. Она не спеша надела набедренную повязку, плетеные сандалии, и снова оголила грудь. Потом немного постояла, слушая звенящую тишину, и взяла в руки меч. Оружие Кастора было немного тяжелей ее собственного, украденного, да и приноровиться к нему, «набить руку» к его использованию, Дея не успела. Она волновалась, но страха в ее душе больше не было, ведь сейчас перед ней стояла нелегкая задача – преодоление самой себя. И победа,

конечно.

Рабыня неслышно вышла из своего жилища и огляделась. Она знала, что многие девушки из соседних барачков сейчас не спят, ведь они знают о том, что ей сегодня предстоит. Кто-то переживает за нее, кто-то завидует, что одной из них выпала такая возможность – побороться за свою свободу. Но из барачков никто не выходит, и даже стрекот сверчков не нарушает в эту ночь безмолвие волнующего момента.

Круто развернувшись на месте, Дея решительными шагами пошла прочь от своего жилища, думая о том, что лучше ей погибнуть, чем возвратиться сюда снова.

Огромную арену возле императорского дворца снова освещали сотни факелов, и среди зрительских мест не было ни единого пустовавшего. Снова раздавались нетерпеливые крики толпы, а из клетки с тигром, стоявшей в полутьме под аркой, доносилось глухое рычание возбужденного животного, которому сегодня, однако, не доведется выйти на арену. Все было, как обычно, и ни для кого сегодняшней бой не имел такого значения, как для Деи. Рабыня была уверена в том, что среди сотен пар глаз на нее сейчас смотрят и глаза Императора, но не искала его взгляда.

Биться предстояло попарно, Ливии с Хеленой, а Дее с Тэсией. Кто и каким образом определил этот выбор, де-

ушка не знала, но сейчас для нее это уже не имело никакого значения. Тэсия, ее «заклятая подруга», яростно раскручивала цепи, готовясь к состязанию, и периодически кидала в сторону соперницы взгляд, в котором смешались и злоба, и страх, и надменность, с какой дамы голубых кровей обычно смотрят на своих служанок.

Паре Дея-Тэсия предстояло выступить первыми. Теперь уже, перед самой битвой, рабыня стала лихорадочно искать глазами Императора. Что бы ни случилось – он должен это видеть. Но найти правителя ей так и не удалось. Не прийти сюда он не мог, значит, сидит где-нибудь на заднем ряду, неузнанный, под покровом ночи и темных одежд. Она слышала рев толпы, сквозь которую пробивался взволнованный рык животного в неволе, и представляла себя на месте этого несчастного тигра, которого поработили люди и заставляли себя потешать. Когда эсседария пронеслась мимо нее, возвестив о начале сражения, Дея перекинула меч из одной руки в другую, приноравливаясь к его рукоятке и весу, и уверенно шагнула вперед, на арену. Битва началась.

Сегодня соперница Деи была, как никогда, уверена в себе и хорошо подготовлена. Рабыня могла прочувствовать всю ее мощь, когда та яростно и прицельно размахивала мечом и, словно змея, ловко уходила от ответных ударов, прикрываясь щитом. До некоторого времени Дея в полную силу не выкладывалась, ожидая, пока

соперница устанет, но и концентрации внимания не теряла. Девушка была хорошим бойцом, и многие противники на арене ее побаивались, ведь рабыне терять было нечего, и каждый раз она сражалась так, как будто в последний.

Спустя несколько минут ожесточенного сражения, такого, словно оно было не ради зрелища, а ради самой жизни, наконец, Дея увидела, что ее соперница стала часто дышать и движения ее замедлились. Девушка и раньше замечала, что на тренировках Тэсия, долго орудуя тяжелыми снарядами, в конечном итоге теряла ритм дыхания, и, словно рыба, хватала ртом воздух. Дея подозревала у той астму, которую соперница тщательно скрывала, чтобы не показывать остальным девушкам свою слабость. Рабыня воспользовалась моментом, когда гладиаторша под ее натиском отступила к самой трибуне и нанесла удар мечом. Единственная грудь Тэсии обагрилась кровью, когда Дея взмахнула мечом и дотянулась до обнаженного тела соперницы. Рана, по-видимому, была не настолько серьезной, чтобы девушка могла лишиться второй своей груди, но достаточной болезненной. Тэсия скривилась, закашлялась, ни на секунду, однако, не отрывая взгляда от рабыни Деи. Казалось, этот удар привел девушку в такую ярость, что она тут же, забыв о боли, набросилась на соперницу с удвоенной силой. Толпа взревела, почуяв запах первой

крови, и больше уже не замолкала.

Казалось, что бой длится бесконечно. Дея уже не понимала, сколько времени они находятся на арене, ей казалось, что целую вечность. В ушах звенело от криков трибун, рука, держащая тяжелый меч, отказывала слушаться, ноги были напряжены так, что вены на них вздулись и грозили в любую минуту лопнуть. В следующий момент, среди рева многоголосой толпы, она отчетливо услышала голос Императора, который позвал ее по имени. Дея вздрогнула, отвлеклась на долю секунды и тут же, споткнувшись о вовремя подставленную ногу соперницы, рухнула на песок. И Тэсия, придавив ее своим щитом, вонзила свой острый меч в горло поверженной рабыни.

Глаза Деи тут же застлала какая-то белая пелена. И внезапно она все поняла: ни при каком раскладе Император ее отпустить не собирался. Воля его рабыни оказалась для него дороже, чем ее жизнь. А соперница не виновата, на ее месте она поступила бы точно так же. И теперь, захлебываясь кровью, Дея прошептала:

– Украл... мою... свободу.

Из последних сил она повернула голову в ту сторону трибун, где еще недавно сидел Император. И увидела пустое место. А вокруг так же бушевала толпа, кричала, что-то скандировала, и было непонятно, приветствуют ли они победительницу или выражают недо-

вольство тем, что зрелище так быстро закончилось.

Спустя несколько лет к власти пришел новый Император и первым законом, который он издал при своем правлении, стал указ об отмене боев женицин-гладиаторов.

Однажды в жаркий летний полдень, когда на улице не было ни души, только жужжали мухи и стрекотали воробьи, мы с подругой, подростки, отправились на прогулку. Прошли по дачному поселку с крохотными саманными домиками и покосившимися заборами. И вот наше внимание привлек один из заброшенных участков. Было видно, что хозяйева не появлялись в своих владениях уже очень давно. Урожай – вишневые деревья, клубничная плантация и заросли спелой малины, – все оставалось нетронутым. Поколебавшись несколько минут, мы, озираясь по сторонам и давясь слюной, перебрались через ограду и оказались во фруктовом супермаркете. Спелые плоды, сорванные вручную, а не купленные на базаре, казались невероятно вкусными. Наевшись до отвала, отправились домой. На следующий день, осмелев, снова вернулись к дачному участку. На этот раз мы оказались более предусмотрительными и захватили с собой тару. Оккупировав вишневые деревья возле самого забора, мы набрали полные пакеты ягод. Как вдруг увидели женщину, которая стояла по ту сторону ограды и недобро на нас гляде-

ла. Потом пригрозила рассказать о нашем набеге хозяевам дачи, но будет молчать при условии, что мы отдадим ей то, что успели собрать на участке. Растерявшись, мы отдали ей пакеты, и женщина быстро засеменила в ту же сторону, откуда пришла. Очнувшись от ступора, подруга рассмеялась. Вор украл у вора! Только тогда мы поняли, что прохожая не знала ни хозяина дачи, ни тем более не собиралась никому ничего рассказывать. Просто вареников с вишней тоже захотелось!

Глава 6

Перевоплощение третье. Ткачиха

Киевская Русь. XII в. 1127 г.

Матрена слезла с печи и утиной походкой доковыляла к столу, где на красной скатерти лежала большая голова подсолнечника. Охнув, когда боль прострелила ее спину, женщина тяжело села на лавку и принялась лущить семечки. Устало поглядела она на расписную прялку, подаренную мужем ко дню свадьбы много лет назад, и призадумалась, мысленно подсчитывая, как быстро она сможет закончить работу, если будет прядь не шесть дней в неделю, а семь. Потом надо будет снести готовую пряжу на торг, раскинувшийся на левом берегу Днепра, а на вырученные деньги приобрести свечей и масла. Все остальное Матрена приносила к столу со своего огорода позади избы. Репа, лук и горох всегда были в изобилии. Но особенно ткачиха гордилась своими капустными кочанами, – огромными, красивыми. Летом их квасили в деревянных бочках, а зимой почти каждый день подавали к столу с маслицем и лучком.

Наевшись семян, Матрена небрежно смахнула шелуху в руку, потом, набрав воды в ковшик-утицу, жадно выпила его почти до дна. Перекрестившись, так же тяжело поднялась на ноги и вышла за порог. Наступал вечер,

и все вокруг уже было окрашено теплым золотым светом заходящего солнца. Прикрыв рукой глаза, Матрена посмотрела вдаль, в сторону пасеки, откуда она ждала своего любимого бортника, мужа Белогора.

– Ай-ай, хозяйюшка, не побрезгуй, угости водицей, – услышала ткачиха за спиной звонкий голос.

Маленькая сухонькая старушка, одетая в длинную, до пят, рубаху из мешковины, подходила к дому Матрены, припрыгивая и дергая головой на тонкой шее. Остановившись возле порога, старушка плюнула на землю и, раскинув руки, закружилась на месте.

– Ай, любезная, угости бабушку, угости водицей студеной, спасибо тебе скажу.

Брезгливо отворачиваясь от юродивой, у которой при каждом слове изо рта по подбородку текла пена и брызгала слюна, ткачиха вошла в дом, набрала воды, а когда вышла, увидела, что старуха уже сидит на земле и черным крючковатым пальцем чертит на ней круги и линии. Завидев ковшик с водой, она беззубо заулыбалась и потянулась к Матрене. Та знала старушку как юродивую Чарушу. Впрочем, в деревне ее знали все. Неожиданно появляясь рядом с сельчанами, она изрекала непонятные пророчества, плевалась, рыгала, и снова исчезала. В любую погоду она ходила босиком, в рваной рубахе и с котомкой за плечами, которая казалась пустой, хотя ее часто угощали кто хлебом, кто брюквой, а кто и ме-

да наливал. Получив угощение, Чаруша тут же его съедала. Дети боялись ее припадков и пронзительных криков, и при ее приближении всегда бросались врассыпную. А взрослые жалели, но ее пророчества слушать не желали, и тоже старались обходить стороной.

– Пустая семечка, внутри совсем пустая, – забормотала она, по-прежнему улыбаясь и глядя прямо перед собой. Но Матрена поняла, что слова старухи относятся именно к ней. Не понимая смысла сказанного, ткачиха вдруг почувствовала сильную досаду и раздражение, отняла у юродивой ковш и сказала:

– Иди уж, Чаруша, попила и будет.

Поздно вечером пришел Белогор, принес ведро меда, а когда отужинали, сильно поколотил Матрину. Потом завалился спать на полатах, а ткачиха, слушая его богатырский храп, с удовлетворением думала: «Ох, и любит же, аж страшно!» Потом нахмурилась. Вот вроде и любовь у них супружеская, а детей нет. Спустя десять лет совместной жизни Матрена уже потеряла надежду, стараясь работой за прялкой, денной и ночной, заполнить внутреннюю пустоту. «Пустоцвет», – говорили о таких женщинах. «Пустая семечка», – вдруг вспомнились Матрене слова юродивой. Она передернула плечами, словно от холода, и по телу ее побежали мурашки. Тогда женщина натянула на себя одеяло до самого под-

бородка и, перекрестившись, провалилась в сон, прерывистый и беспокойный.

– С праздничком тебя, дорогая супруга!

Белогор расцеловал Матрену в обе щеки и протянул ей большую редьку.

– На вот, хорони на здоровье.

Первый день сентября, в который отмечался праздник «похороны мух», выдался дождливым и ветреным. Присев на лавку у окна, ткачиха медленно пряла нитки и, отодвинув занавеску из домотканого полотна, смотрела, как муж, поскользываясь в грязи, удалялся в сторону палека. Потом, вздохнув, принялась вырезать из редьки маленький гробик для насекомых. К вечеру она ждала в гости соседку Феклу, вместе с которой они собрались идти хоронить мух и тараканов. А потом они будут есть пирог с морковью, испеченный накануне. После чего Фекла с прялкой сядет у окна и будет ждать своего Белогора. И так каждый раз: с утра она уже знала, как проведет грядущий день и в какое время ляжет спать. Жизнь ткачихи текла размеренно и предсказуемо, и давно уже не преподносила никаких сюрпризов.

За шесть дней Матрена напярала ниток на несколько мотков, а на седьмой собрала их, бережно уложила в корзину и отправилась на торг. В последнее время она часто

чувствовала себя разбитой, особенно когда просыпалась еще до восхода солнца, и в темноте шла на двор по нужде. Головокружение и слабость она списывала на то, что много работает и совсем не дает себе отдыха, – ни душе, ни телу.

Рынок шумел многоголосьем торговцев, зазывал и простого люда, медленно проплывающего туда-сюда вдоль рядов с товарами, от разнообразия и изобилия которого рябило в глазах. Мед, овощи, пряные травы, овечьи шкуры привозились сюда из разных концов государства. Ежедневно, с раннего утра и до позднего вечера здесь кипела веселая и шумная торговля, но Матрена приходила на берег Днепра только в субботу¹. Товарки дивились, отчего она, не жалея себя и не помня о Боге, трудится без отдыха, аки пчела, а единственный свободный от трудов день проводит на рынке. Но сегодня, как назло, был явно не ее день. Простояв за прилавком до самых сумерек и не продав ни одного мотка ниток, ткачиха засобиралась домой.

– Ох, Боженька, люди кружатся, как мухи, целый день, целый день. О себе лишь помнят, о Тебе забывают. А семечка-то пуста, и пуста будет, – вдруг услышала она за спиной знакомый голос, который теперь показался ей еще более мерзким и отвратительным, чем рань-

¹ ¹ Суббота – в Древней Руси считалось, что этот день был концом недели, выходным днем, а началом недели – воскресенье

ше.

Юродивая кружилась на месте, подобрав грязный подол рубахи, и плевалась вокруг себя. За спиной ее, как и прежде, висела котомка, которая сейчас раздувалась от чего-то круглого и, как показалось Матрене, тяжело для маленькой старушки. Ее заметно клонило в одну сторону, отчего Чаруша припадала на одну ногу. Остановив свой взгляд на ткачихе, юродивая залезла рукой в свой мешок и достала оттуда большую тыкву.

– На, милая, покушай, для тебя припасла. Семечек тут много, аки деток малых, авось и ты про пустоту свою забудешь.

Матрена побледнела и почувствовала, как к горлу снова подкатывает дурнота. Она попятилась назад, наткнулась на угол лотка и, больно ударившись об него, почти бегом бросилась с рынка. А вслед ей еще долго неся пронзительный истерический смех юродивой.

Однажды, спустя несколько дней, Белогор явился домой беспокойный и насупленный. Мужчина был чем-то озабочен и недоволен, и даже руки в этот вечер не поднял на жену. Напрасно Матрена ластилась к нему, как кошка и, накормив ужином, звала на полати. Белогор лишь отмахивался и скрипел зубами.

– Не лезь, колотить не стану, устал сегодня. Да и не до тебя мне нынче.

Когда улеглись, – Матрена на печь, Белогор на полати, – в избе ненадолго воцарилась тишина, в которой лишь было слышно, как под полом скребутся мыши.

– Ярослава брюхата снова, заметила? Семеро по лавкам, а туда же. А у Николая сноха намедни мальчонку родила.

Матрена повернула голову в сторону мужа и увидела, что тот лежит, подперев голову рукой и, не мигая, глядит куда-то в угол избы, откуда вчера ткачиха вымела огромного паука с его паутиной. Хоть и считал ее Белогор туповатой, но Матрена сразу поняла, откуда «ноги растут». Но сейчас ей меньше всего хотелось говорить о чужих детях, чей смех и плач уже не раз преследовал ее в ночных кошмарах.

– Ты бы, того-этого, Матрен, отдыхала что ли. Хоть бы субботу почитала, как Господь велел. Авось и наладится все...

Закусив кулак, чтобы не разрыдаться в голос, Матрена, казалось, совсем перестала дышать, только бы муж не догадался, что она не спит и все слышит.

А спустя несколько минут, не дождавшись ответа, Белогор повернулся на бок, спиной к Матрене, и в избе уже окончательно воцарилась тишина. Не в силах заснуть, женщина вспоминала, как в прошлую пятницу ходила в дубовую рощу. Там она долго стояла, прислонившись к огромному многовековому дереву, обнимала

ствол, который и не обхватишь целиком. Всклипывая, Матрена разговаривала с лесными духами, просила их о своем, сокровенном. Этот обряд знали все бабы, кому никак не удавалось зачать и выносить долгожданное дитя. Некоторые еще обходили старые дубы по солнцу, пили отвар из коры и много чего другого. И Матрена решила, что если духи не услышат ее молитву, тоже будет и кору пить, и даже грызть, если понадобится. Сейчас она и землю готова была есть, лишь бы угодить супругу и почувствовать счастье материнства.

«Каждая баба плачет о своем. Одна о том, что урожай в этом году не удался, другую муж поколотил сильнее, чем требуется, а третьей просто чаю не хватило, потому что вода в самоваре закончилась», – говорила соседка Фекла. Матрена кивала, соглашалась, и все же была уверена в том, что ее горе самое горькое, и никому его не переплюнуть.

Бросив прялку, Матрена вышла за порог и присела на лавку, припорошенную осиновыми листьями, которые холодный ветер еще с ночи нагнал с ближайшего леса. До морозов было еще далеко, но осень уже основательно вступила в свои права, и по утрам ткачиха снимала с веревки белье, чтобы тут же положить его на теплую печь. Маленький огород позади избы после снятия летнего урожая выглядел запущенно и неопрятно. А кошка,

домашняя и дикая одновременно, потому что никому, ни Матрене, ни Белогору, не давалась в руки, перестала уходить из дома по своим кошачьим делам и большую часть дня проводила, свернувшись клубком на полатах.

Сейчас Матрене вспомнилась одна молитва, которой ее учила бабушка в детстве, но которую она быстро позабыла, вступив во взрослую жизнь. Пребывая в семейных заботах, ткачиха, как и все люди того времени, крестилась, вставая по утрам с постели; крестилась, отправляясь в дорогу; крестилась, начиная мотать новый клубок ниток. Словом, ни одно начинание по традиции не обходилось без мысленного обращения к Богу. Но чтобы вслух, так истово и осознанно – никогда. Впервые в жизни Матрена позабыла о том, что ее ждет работа, стирка, приготовление обеда.

Так и просидела она на лавке до самого вечера, отчего-то чувствуя себя невыразимо счастливой и свободной. Она поняла, что теперь, начиная с этой субботы, все у них будет хорошо.

Мой ребенок пахнет свежеспеченным хлебом. Запах становится особенно отчетливым, когда, утомившись от игры, сын кладет голову мне на колени, и я кожей чувствую его мокрые от пота волосики. Они пахнут сдобой. И еще чем-то сладким и родным.

В нашей жизни и сейчас много таких «ткачих». Как утвер-

ждают просвещенные: экология, то-се, неправильное питание, стрессы. Только на Руси-то среди простого народа тоже не Бог весть какое разнообразное питание было. Морковка да брюква с огорода. Как говорил супруг во время моей беременности, когда я килограммами поглощала цитрусы: «Ты смотри там, мандарин чтобы не родился, оранжевый, и с хвостиком на голове».

Однажды, будучи уже «глубоко беременной», я, от избытка свободного времени и ради интереса, посетила одну из лекций медицинского училища. Тема как нельзя более подходила к моему тогдашнему положению: о развитии акушерства в нашей стране. На Руси повивальным делом занимались знахарки и повитухи. Как ни странно, уже тогда их считали представительницами медицины и верили им больше, чем Всевышнему. А в середине восемнадцатого века появились первые учебные заведения для подготовки акушерок – бабичьи школы. Они готовили «присяжных бабок», то есть повитух. Преподавали в этих школах в основном иностранцы, профессора и акушеры, и в первые годы – только теорию. Мало кто из женщин рвался освоить эту нелегкую профессию, поэтому за первые двадцать лет существования школы было подготовлено всего около сорока повитух.

Но это так, для общего развития. Больше всего мне запомнились открытки-агитки, которые продемонстрировали слушателям. Эта печатная продукция издавалась в двадцатых годах прошлого века и давала советы молодым матерям:

О том, что нельзя самостоятельно удалять насекомое, попавшее в ухо ребенку; что младенец ни в коем случае не должен спать в общей постели с родителями, и т.д. А открытки с изображением детей, несущих агитационные плакаты, вызвали широкую улыбку. На афишах были фразы: «Акушерок, а не бабок!», «Чистого воздуха и света! Защиты от мух!», «Мы требуем здоровых родителей!» Ребенку, как говорится, лучше знать, что ему требуется, и от каких родителей рождаться. Они сами выбирают свою fata.

Глава 7

Мисс Марпл начинает расследование

Всю следующую неделю рукопись незнакомки не давала мне покоя. Точнее, личность ее автора. В наш век астральные путешествия стали уже чем-то сродни медитации. Им даже можно обучиться на специальных курсах. Но, судя по состоянию найденной тетради, писалась она много лет назад. И неизвестно, сколько пролежала на том месте, где я ее нашла. Поэтому вопрос времени написания дневника волновал меня в первую очередь.

Дождавшись выходного дня, я взяла у супруга кредитную карту и сказала, что иду по магазинам за новой сумочкой.

– Дорогая, бери обязательно из крокодиловой кожи. В ассоциации защиты дикой природы ты не состоишь, а зубатых к жизни все равно не вернешь. Хоть походишь как королева.

Наказав мужу покормить сына, когда проснется, и полить кактус на окне («да это же верблюд, он без твоей воды еще месяц протянет», – возмутился было он), я послала своей второй половине воздушный поцелуй и выпорхнула за дверь.

Я выкатила из гаража свой старенький велосипед и провела рукой по его сиденью. Толстенный слой пыли как напоминание о том, что я чрезвычайно редко прибегаю к услугам своего двухколесного друга. Все авто да авто. Прости, род-

ной, но сегодня мне понадобится твоя помощь.

Своего гаража у нас не было, поэтому мы оставили свой велосипед и еще кой-какой нехитрый скарб в «автодомике» у соседки Люси. Женщина неделями не покидала квартиры, соревнуясь с постоянным похмельем – кто кого, поэтому на просьбу о том, что требуется приютить наши хозяйственные принадлежности, она, не думая, ответила согласием. Точнее, просто махнула рукой – «ой, да оставляйте, что хотите». Дала нам второй экземпляр ключа и, я уверена, тотчас позабыла о нашем существовании.

Усевшись на своего двухколесного коня, я помчалась в сторону дачного поселка. Ржавая цепь велосипеда скрипела, как несмазанное колесо телеги, и педали то и дело прокручивались вперед, словно подгоняя своего ездока. Но я не унывала. Катила себе и катила против ветра, который надувал колоколом мою шифоновую юбку, а при порывах посильнее вообще намеревался закинуть мне легкую ткань на голову. Совсем как у героини фильма Тинто Брасса. Только та еще трусиков не надевала. Ну, это уже никуда не годится. За такое меня супруг бы уже предал инквизиции к чертям собачьим.

Добравшись до поселка, в котором была найдена рукопись, я призадумалась, к кому можно обратиться за помощью. Дачников по пути я не встретила, а постоянных жителей было, раз-два, и обчелся. Да и вряд ли они могут что-то знать о времени, когда их домов тут еще и в проекте не бы-

ло. В сельском магазине работала молодая девушка, которая мне также не смогла бы ничем помочь.

На пути к заветной полянке, когда я решила срезать путь, и пошла через лес, передо мной оказался погост. Маленькое кладбище со старыми, если не сказать древними, памятниками и крестами, наводило на мысль о том, что здесь уже давно никого не хоронят и, значит, маловероятно, что в сторожке смотрителя кто-то будет. Однако сама сторожка была кирпичной, с занавесками на окне и металлической дверью. И я решилась. Подошла, негромко постучала и отошла на шаг назад. За дверью послышался какой-то шелест, потом тяжелые шаги. Точнее, шаг – пауза, потом еще шаг – пауза. Не успела я задуматься над этими странными звуками, как в следующее мгновение на пороге оказался мужчина средних лет, в кепке и с костылем подмышкой.

– Мадемуазель?.. – он шутливо приподнял кепку.

– Мадам, – машинально поправила я.

– Чем могу быть полезен? – улыбнулся дядечка.

– Видите ли, я ищу человека... Вы знаете полянку, где раньше был сосновый бор?

– Был бор, да весь вышел. Конечно, знаю. А вас-то что там могло заинтересовать? Сейчас на поляне пни одни да развалины.

– Вот развалины эти меня как раз и интересуют. Что было раньше на этом месте?

Мужчина призадумался, почесал затылок.

– Вот уж не скажу наверняка. Руины эти давние, с советских годов уж точно. А было тут вроде как учреждение какое-то государственное. Может, больница, а, может, школа. Есть у меня сменщик, Петрович, вот он должен знать. Он у нас старожил, в этом поселке каждую былинку знает, считай, вырос тут. Только сейчас он в городе живет, приедет меня подменить через неделю. Вот тогда и заходите. Если его не будет здесь, значит, он на пасеке. Найдете его в лесном хозяйстве за прудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.